

Институт философии и права СО РАН
ул. Николаева, 8, Новосибирск, 630090, Россия

Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 2, Новосибирск, 630090, Россия
E-mail: rozov@nsu.ru

СПОР О МЕТОДЕ (METHODENSTREIT) И ПРОБЛЕМА СПЕЦИФИКИ СОЦИОГУМАНИТАРНЫХ НАУК *

Статья вторая

Маятниковая динамика середины XX века – противоречивые вклады аналитической философии и школы «Анналов»

В статье дан анализ динамики противостояния сциентистского (номотетического) и антисциентистского (идиографического) направлений в методологии социальных и гуманитарных наук 1910–1960-х гг. В первые десятилетия имеет место «передышка в споре», раскрываются ее идейные и институциональные причины. В то же время появляется знаменитая французская историческая школа «Анналов», множественные методологические повороты которой впервые рассматриваются в контексте истории Methodenstreit. Проводится анализ противоречивого содержания второго этапа спора, начавшегося со знаменитой статьи К. Гемпеля «Функция общих законов в истории» и подготовившего почву для соединения строгой логики исторических сравнений с открытием нового обширного исследовательского поля исторической макросоциологии как начала следующего этапа.

Ключевые слова: спор о методе, методология социальных наук, номотетика, идиография, школа «Анналов», историческая макросоциология, законы истории.

Затишье в споре и векторы развития мышления начала XX в.

В первой статье мы остановились на том, что бурная академическая институализация XIX в. продолжалась и в XX в. Между новыми науками и философией появились дисциплинарные границы, внутри которых профессиональные сообщества стали заниматься своими проблемами, а общее поле для дискуссии исчезло.

Заданные Дильтеем линии рассуждения характеризовались такими понятиями-символами, как целостная и неразделимая Душа человека, вездесущая и неуловимая Жизнь, и История, полная драматизма и требующая ее глубинного понимания [Дильтей, 2000]. В начале XX в. эти линии развивались в философии Хайдеггера (ср. символы неразделимого здесь-бытия – Dasein и таинственного несокровенного Бытия) и Шпенглерам (История, понятая как Жизнь Мировой Ду-

ши, воплощающаяся в рождении, созревании и гибели замкнутых культур). В своей метафизичности и иррационализме эти идеи так далеко отошли от исследовательских интересов психологов и историков, что спорить опять стало не о чем. Только историк Арнольд Тойнби подхватил шпенглеровскую идею локальных культур, переработал ее в позитивном и систематическом направлении в своем учении об обществах-цивилизациях, но и его книги были в 1960-х гг. дискредитированы и почти забыты историками из-за изрядной доли остаточного мистицизма и мифологичности. (По иронии судьбы, именно эти моменты уже в начале 1990-х гг. вдохновили русских переводчиков, издателей и читателей таких дайджестов из многотомного труда Тойнби, как «Постижение истории».)

Первая мировая война не могла не оказать влияния на интеллектуальные споры того времени, но характер этого влияния нуждается в уточнении. С уверенностью

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (проект № 06-03-00346а).

можно утверждать только о дискредитации прежнего наивного прогрессизма и эволюционизма, о разочаровании в прежних идеалистических воззрениях, которые стали казаться надуманными, нереалистичными и прекраснотушными.

Отсюда выростали самые разные интеллектуальные движения: ход к большей логической строгости и изощренности научного языка (неопозитивизм), трагический иррационализм (Шпенглер), ставка на многомерные и сравнительные социоисторические исследования в социологии (М. Вебер, Г. Зиммель), новый всплеск эмпиризма в экспериментальной психологии и полевой антропологии.

Каждое из этих направлений было занято своими проблемами и своими спорами. В 1930–1950-е гг. социальные науки, особенно политические и экономические, по понятным причинам были гораздо больше обычного подвержены идеологии. Сформировались некие каноны (прежде всего, марксизм и либерализм), которые поляризовали и во многом ограничили исследовательский поиск, отбросили на периферию логико-методологические вопросы. Идеологическое противостояние в эти годы было гораздо более значимым, чем вопросы предпочтения номотетики или идиографии. *Methodenstreit* был почти забыт, но, как выяснилось, не навсегда.

Школа «Анналов» – резкие смены направления поисков

Прежде чем перейти к рассмотрению второго этапа спора, покажем, что его следует рассматривать не только в рамках методологии социальных наук, но также и в связи с появившейся в конце 1920-х гг. мощной и влиятельной линией исследований в исторической науке. Речь идет о французской школе «Анналов».

Дело в том, что *Methodenstreit* присутствовал в той или иной форме практически во всех социальных науках XX в. (разве что кроме экономики, где неизменно доминируют математический и номологический подходы). Как правило, в социологии, психологии, антропологии, политических науках этот спор выражался в конфликтах между «качественным» и «количественным» подходами, причем первый, идущий от идиографии, обычно использовал те или

иные варианты или производные гуссерлевской феноменологии, а ко второму примыкали структурализм, кибернетика, математические моделирования, структурно-функциональный анализ, системный подход и т. п. Это конфликтное разделение достаточно устойчиво, существует до сих пор и обычно не приводит к существенным концептуальным и методологическим трансформациям.

Совсем другая и гораздо более интересная картина наблюдается в эволюции школы «Анналов». Этот расширяющийся и разветвляющийся поток исследований отличается от других мировых традиций исторической науки постоянным программным тесным взаимодействием с социальными науками, ставкой на междисциплинарность, постоянным расширением и обновлением предметов исследования, методов и концептуальных моделей, а также пристальным вниманием к принципиальным вопросам исследовательской методологии, смелыми революционными поворотами в мышлении.

Обычно развитие школы «Анналов» рассматривают отдельно от эволюции социальных наук и отдельно от *Methodenstreit*, описание которого сводят к первому классическому этапу (см. первую статью данной серии). Далее мы предпримем совместный анализ, который, как представляется, проливает новый свет на оба процесса.

Формально школа «Анналов» начинается с основания Люсьеном Февром и Марком Блоком журнала «Анналы (ежегодники) экономической и социальной истории» в Страсбурге в 1929 г. Так институализировалось одно из послевоенных интеллектуальных направлений, которое, с одной стороны, стремилось преодолеть прежнюю историческую науку с ее «коллекционированием фактов», фиксацией событий, героических биографий великих людей, а с другой – обещало обогатить историю за счет привлечения мощных и влиятельных идей и подходов в области антропологии, макросоциологии, сравнительной истории хозяйства, религии, культуры (Л. Леви-Брюль, Э. Дюркгейм, М. Вебер, А. Вебер, Г. Зиммель, В. Зомбарт, марксистская традиция).

Приверженность лидеров ранних «Анналов» научному подходу, общая направленность на раскрытие «механизмов социальной реальности» [Bugnière, 1979. P. 1356], интерес к социальным структурам разного

рода приближает их к *номотетическому полюсу*. Однако историков в то время больше интересовала не причинная динамика и эволюционные закономерности, а описание устойчивых социальных, экономических и ментальных структур. Историки не пытались уже предлагать новые варианты «исторических законов», прошлые версии которых были дискредитированы и / или забыты (Бокль, Брейзиг, Спенсер и др.).

Особое внимание к менталитету людей прошлого естественным образом предполагало реконструкцию их умонастроений, внутреннего мира, что приближало этот подход к *понимающей идиографии*. Различия состояли в том, что главным методом проникновения было не полумистическое дильтеевское «вчувствование» (эмпатия), а достаточно рациональные и аргументированные реконструкции, основанные на систематическом обобщении большого числа разнообразных архивных материалов – свидетельств. В полной мере это проявилось уже в ранней работе Марка Блока «Короли-чудотворцы» (1924 г.), в которой он реконструировал верования подданных в сакральную природу монаршей власти. Важным козырем ранней школы «Анналов» была направленность на создание «тотальной истории», стремление представить целостный образ социальных, политических, экономических и ментальных структур. Этот подход блестяще реализовал Марк Блок в классической книге «Феодальное общество»¹.

Как видим, школа «Анналов» как бы выскальзывает из одномерности классического противопоставления номотетика – идиография, существенно обогащает проблемное поле методологии социального познания. Но, как мы покажем далее, принципиальная структура спора не устаревает.

Второй этап Methodenstreit – борьба против «охватывающих законов»

Новый этап спора открывает статья Карла Гемпеля «Функция общих законов в истории», впервые опубликованная в 1942 г.

¹ И. Валлерстайн по праву назвал «Феодальное общество» историка Марка Блока великой социологической работой. Письма М. Блока издателю Анри Берру подтверждают вполне сознательную установку тогдашнего лидера «Анналов» на социологизацию науки истории [Валлерстайн, 2000].

[Гемпель, 2000]. Начиная с 1949 г. она многократно переиздавалась в сборниках и хрестоматиях и до сих пор по праву считается самой яркой классической работой в сфере логики и методологии социально-исторических наук.

Статью об общих законах в истории (позже их стали называть *covering laws* – охватывающими законами) Гемпель, принадлежавший младшему поколению неопозитивистов – членов Венского кружка, опубликовал уже в США, где в середине века шло становление университетского образования и ощущалась острая потребность в методологическом обосновании принципов построения и преподавания социальных наук. Статья вызвала резонанс уже в конце 1940-х и особенно в 1950-х гг. в связи с широким развертыванием англоязычной аналитической философии, прежде всего, аналитической философии истории. Утерянное ранее общее поле для спора вернулось вновь, но, как обычно бывает, в новом обличье.

Карл Гемпель, будучи в молодости участником Венского и Берлинского кружков философии науки, развил свою версию логического эмпиризма и приложил соответствующую дедуктивно-номологическую схему к проблеме научности исторических объяснений. Его блестящая статья 1942 г. убедительно показывает, что обычные исторические объяснения являются неполноценными (*defective*), а научно-полноценными станут только при использовании универсальных гипотез и универсальных законов (тех самых *covering laws*).

Главные тезисы Гемпеля: единство эмпирических наук и соответственно общность методологии, необходимость формулирования и проверки общих гипотез (получения законов) для полноценного научного объяснения. Понимание в этом аспекте – только предварительная, возможная, но не обязательная эвристика.

Прежде чем говорить и содержании нового этапа, зададимся вопросом: почему же после затишья вновь возобновился старый спор?

Важно, что центр спора переместился за океан, в США, вслед за многими представителями немецкой и австрийской интеллектуальной элиты. Европа с трудом преодолела шок Второй мировой войны и, будучи разделенной надвое, острее переживала начало войны холодной. Основные споры

имели еще идеологический характер. Экзистенциализм в своем антибуржуазном порыве вначале союзничал с марксизмом, затем между ними произошел драматический разрыв. Очевидный провал максималистских проектов Венского кружка привел к появлению множества новых направлений (логический эмпиризм, постпозитивизм, аналитическая философия, постструктурализм, когнитивизм и т. д.).

В Великобритании и США формировалось ложное идеологическое деление философии на хорошую, научно ориентированную и либеральную – «аналитическую», и плохую, метафизическую, чреватую фашизмом – «континентальную». В психологии номотетическое экспериментальное и идеографическое личностно-ориентированное (психоанализ и пр.) направления окончательно разошлись по разным институциональным квартирам. В американской социологии главный спор развертывался на другом фронте: против громады парсоновской теоретической системы выступили радикальные микросоциологи (прежде всего, Гарольд Гарфинкель и Ирвинг Гофман), тут шел спор возрожденного последовательного эмпиризма против схоластического теоретизирования.

В 1960-е гг. появляется много молодых исследователей, которых не устраивают застывшие идеологизированные каноны 1930–1950 гг., борьба с ними зачастую идет через обращение к аутентичным трудам классиков и их переосмысление. Появляются неоллиберализм, неомарксизм, неовеберизм. Идеологизм и полное взаимное неприятие уходят в прошлое. Разные попытки сочетать идеи Маркса, Дюркгейма, Вебера дают важные нетривиальные результаты (Р. Арон, П. Баран, К. Поланьши, Б. Мур, С. Роккан, Н. Элиас, К. Мангейм, Р. Бендикс и др.).

1950–1970-е гг. прошли в западной философии истории и социальных наук под флагом критики Гемпеля. Мизерный фрагмент этих споров отразился в книге русских переводов [Философия и методология истории, 1977], а представленные в ней аргументы оппонентов Гемпеля до сих пор с энтузиазмом воспроизводятся многочисленными российскими авторами.

Обращает на себя внимание огромная активность обсуждения проблемы *covering laws* в 1950–1970-е гг., особенно в США.

Помню, впервые попав в американскую университетскую библиотеку, где, как правило, читателям открыт доступ ко всем книгам, я поразились: несколько длинных стеллажей, посвященных философии истории, были почти полностью наполнены монографиями, сборниками, материалами конференций этого двадцатилетия, после которого проблематика как будто бы иссякла.

Большинство авторов, несмотря на свою приверженность аналитизму с его прокламируемой логической строгостью, явно ополчились на номологический манифест Гемпеля, причем настолько дружно, что его последующие публикации производили впечатление уступок, смягчения и микширования первоначально смелой и весьма агрессивной атаки на привычные для историков «неполноценные» (*defective*) объяснения.

Сами же историки практически не услышали призыв Гемпеля, по большому счету, проигнорировали его, продолжая свои привычные занятия и вовсе не пытаясь перестраивать их в соответствии с нормативными требованиями «чужаков». Данный факт использовался критиками Гемпеля: историческая наука живет по своим правилам, надо не диктовать историкам чуждые им подходы, а прояснять логику и структуру самого исторического исследования, как оно реализуется на практике.

Казус с громко прозвучавшей статьей Гемпеля, массивной двадцатилетней критикой и последующим забвением, можно было бы не принимать во внимание, если бы не последующие события и не параллельные процессы развития ведущей в то (и последующее) время исторической школы «Анналов».

Люсьен Февр уже в начале 1950-х гг. прокламировал не только отказ от европоцентризма, но и «тотальную концептуальную революцию». Однако радикальный перелом в направлении исследований совершил пришедший на смену Февру новый лидер школы Фернан Бродель. Начал же он с откровенной апелляции к сциентизму, структурализму, точным математическим методам, моделированию, широкому применению статистики и других численных подходов [Braulel, 1959]. Так открывается второй период истории школы «Анналов», не менее славный и богатый результатами, чем первый. Методы естествознания в исто-

рии успешно применял Лу Руа Ладюри и многие другие.

Смысл происходящего открывается, если принять во внимание еще один методологический призыв со стороны, казалось бы, далекого от истории и социальных наук направления. Один из отцов общей теории систем Людвиг фон Берталанфи прямо предлагает начать создание *теоретической истории* [Берталанфи, 1969].

Фактически Гемпель, предлагая свою программу полноценного научного объяснения в истории, говорил не о традиционной эмпирической истории, а закладывал основы для не существовавшей тогда науки – теоретической истории.

В том же направлении сдвинулась и школа «Анналов», однако обилие нового материала, чрезмерные надежды на количественный подход и математизацию, удручающее пренебрежение (следствие неведения?) номологической программой Гемпеля привели к неоднозначным результатам.

С одной стороны, широкие синтезы Броделя, Ладюри и их коллег были концептуально насыщены, получили заслуженное признание, но так и не вышли на собственно теоретический уровень с эксплицитным выдвиганием и проверкой гипотез, обнаружением общих законов и закономерностей: с другой – сугубо численные подходы и увлечение математизацией не дали ожидаемых результатов, привели к определенному разочарованию. Эта линия продолжалась в «Анналах», но доминировать стали уже иные настроения и идеи. В 1970-х гг. пришло новое поколение лидеров (Ж. Ле Гофф, М. Ферро и др.). Логика ответа на разочарование, как оказалось, полностью укладывается в измерение классического *Methodenstreit* номотетика – идиография. От не оправдавшего надежд сциентизма маятниковое движение отбросило «Анналы» к детальным исследованиям казусов, биографий и истории индивидов, к изучению и интерпретации мелких происшествий, слухов и анекдотов. Центром внимания становится историческая антропология, «воображаемое», экзотическое и исключительное.

Несмотря на множественные крутые повороты в методологии школы «Анналов», историки этого круга обычно не забывают пути и достижения своих предшественников. Казусы и биографии изучаются в сменяющихся, накладывающихся друг на друга контекстах, используются для суждений о

скрытых глубинных и долговременных структурах. Оперирование разными временными, пространственными и социальными масштабами, свобода в «наведении фокуса» стали не просто фирменными знаками направления, но и позволили конструировать гораздо более объемные и содержательные картины исторического прошлого.

Попробуем охарактеризовать в целом содержание и значение второго этапа *Methodenstreit*. Основные черты оказываются неоднозначными и даже противоречивыми.

Большим интеллектуальным прорывом была попытка применения логико-методологических подходов и средств, полученных в Венском кружке, к историческим и социальным наукам. Номологический подход Гемпеля оставил далеко позади прежние наивные версии номотетики, теперь уже стало невозможно объявлять невыверенные и неоперационализируемые, часто тривиальные суждения «историческими законами».

Однако гемпелевская методология «охватывающих законов» не получила поддержки у историков, встретила шквал критики со стороны аналитической философии истории, после чего была почти забыта как устаревшая и надоевшая всем тема.

Вместо этого в истории и социальных науках бурно развиваются количественные методы, предпринимаются многочисленные попытки применения математического моделирования и структурно-системных представлений. За исключением нескольких областей (экономическая история, историческая демография) численные методы, скорее, разочаровывают исследователей.

Одновременно происходит микросоциологическая революция радикального эмпиризма в социологии, развивается неоэволюционизм в антропологии, происходят плодотворные концептуальные сдвиги и перестройки в школе «Анналов».

При совмещении всех этих разноречивых процессов вырисовывается следующая картина. Теоретическая история, основанная на номологическом подходе, и математическое, системное моделирование вполне закономерно не воплотились в значимые серии исследований в данный период по одной главной причине: недостаточная разработанность самого понятийного аппарата социально-исторических исследований для того, чтобы можно было применять строгую логику или математическую формализацию.

Одновременно в тот же самый период по многим направлениям и во многих дисциплинах происходят важные сдвиги в концептуальном осмыслении разных аспектов социально-исторической действительности. Багаж концептуальных средств «дорастает» до применимости номологического подхода. «Встреча» этих познавательных средств и яркие результаты, ведущие к новым исследованиям, – это уже начало нового этапа спора.

Список литературы

Бертуланфи Л. фон. Общая теория систем, критический обзор // Исследования по общей теории систем. М.: Прогресс, 1969. С. 23–82.

Валлерстайн И. Социология и история. Письмо Президента Международной социологической ассоциации // Время мира. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. С. 124–127.

Гемпель К. Функция общих законов в истории // Время мира. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Историческая макросоциология в XX веке. С. 13–26.

Дильтей В. Собр. соч. М., 2000. Т. 1. *Философия и методология истории* / Сост. И. С. Кон. М.: Наука, 1977.

Braudel F. «Annales» ont trente ans // Annales: ESC. 1959. № 1.

Buruière A. Histoire d'une histoire: la naissance des «Annales» // Annales ESC. 1979. № 6.

Материал поступил в редколлегию 07.07.2008

N. S. Rozov

The Dispute about Method (Methodenstreit)

and the Problem of Specifics of Social Sciences and Humanities.

Second paper. The Pendulum Dynamics of the mid-20th Century:

Controversial Contributions of Analytical Philosophy and of the «Annals» School

The paper deals with dynamics of the long discussion between the homothetic approach and the idiographic one in methodology of social sciences and humanities in 1910–1960-s. In the first decades of 20th century a break in the discussion takes place. Intellectual and institutional reasons of this break are revealed. At the same time a well-known French historical school of «Annals» is created. Its plural methodological turns are considered in a context of the Methodenstreit history. The second stage of the dispute which has begun by the well-known K. Hempel's paper «The Function of General Laws in History» is analyzed in its controversial intellectual trends and turns. This period paved the way for connection of strict logic of historical comparisons with opening a new wide research field of historical macrosociology as the beginnings of the next stage.

Keywords: methodology of social sciences, Methodenstreit, school of 'Annals', historical macrosociology, nomothetical and idiographic approaches, laws of history.